

Глава 44

— А я-то думал, сейчас мне в лицо швырнут чек, — с лёгкой усмешкой, собравшейся в уголках глаз, произнёс Линь Цзыхань.

— Сколько? — в глазах Чжуан Яня не отражалось никаких эмоций.

— Я просто пошутил. У господина Чжуана дурная слава, а я своей жизнью дорожу. Куда мне до молодого господина Чжуна? Разве вы не видите, я просто пытаюсь заставить его отступить.

Линь Цзыхань отпил немного красного вина.

— Господин Чжуан, вы должны быть мне благодарны.

— Ему не нужны трудности, — внезапно ледяным тоном произнёс Чжуан Янь.

Рука Линь Цзыханя, державшая бокал, замерла. Он опустил взгляд, скрывая промелькнувшее в глазах презрение.

— Тебе должно быть известно, — продолжил Чжуан Янь, — что архитектура — не самый сильный факультет в этом университете. Я могу устроить тебе поступление в лучшие архитектурные вузы за границей. Рейс сегодня вечером.

Это было более чем щедрое предложение для Линь Цзыханя.

Специальный помощник Чэнь действовал быстро: за один день он раскопал всё о происхождении Линь Цзыханя. Потомок пастухов из северо-западных степей, мать неизвестна, с детства воспитывался отцом. В старших классах отец умер от болезни, и если бы не помощь спонсора, он никогда бы не покинул степи, не говоря уже об учёбе за границей.

Уголки губ Линь Цзыханя слегка приподнялись, но в глазах не было и тени улыбки.

Он элегантно покачал бокал с вином, ничем не отличаясь от любого другого респектабельного гостя в этом дорогом ресторане.

В сердце Чжуан Яня зародилось странное чувство, основанное лишь на его зверином чутье: Линь Цзыхань казался более светским человеком, чем даже он сам.

Достичь такого можно было либо, как Чжун Цин, впитав это с молоком матери, либо, как он сам, упорно тренируясь.

Линь Цзыхань поставил бокал на стол. Раздался тихий стук.

— Господин Чжуан, вы и впрямь всемогущи.

В его глазах почти не скрывался вызов.

— Но не стоит беспокоиться. Я предпочитаю... добиваться всего сам.

Взгляд Чжуан Яня стал жёстким. Он уже собирался что-то сказать, как сзади послышались лёгкие шаги.

Он проглотил готовую сорваться с языка угрозу и обернулся.

— Чжун Цин.

Но первый взгляд Чжун Цина был обращён к Линь Цзыханю.

Он протянул ему мороженое.

— Скорее, оно вот-вот растает! Я бежал так быстро, как только мог, но на улице слишком жарко.

Стоявшего рядом Чжуан Яня он словно не замечал. Тот так сильно сжал в руке ложку, что она чуть не согнулась. Вино в желудке, казалось, превратилось в змеиный яд, разъедающий внутренности.

Он смотрел на этих двоих, с нежностью глядящих друг на друга, и снова почувствовал то странное ощущение — будто они принадлежали к цивилизованному миру, а он был лишь забредшим туда волком.

«Какая прекрасная пара», — с ревностью и сарказмом подумал он.

Линь Цзыхань взял мороженое, с улыбкой поблагодарил и, неторопливо сорвав обёртку, принялся есть маленькими кусочками.

Чжун Цин сидел напротив, подперев подбородок руками, и с улыбкой наблюдал за ним, не выказывая ни малейшего нетерпения.

Возвращаясь, он нарочно спрятался за колонной и некоторое время наблюдал за их дружеской беседой. Один — вежливый и обходительный, другой — серьёзный и сдержанный. Настоящая идеальная пара!

Ему даже не хотелось им мешать.

Линь Цзыхань доел и аккуратно вытер губы салфеткой.

— У меня после обеда ещё занятия, так что я пойду. Спасибо за угощение... — он сделал небольшую паузу и с многозначительной интонацией добавил: — Богатый господин Чжуан.

«Идеально подходят друг другу!!» — подумал Чжун Цин.

«Идеально!!!» — вторила ему Система.

Линь Цзыхань ушёл.

Проводив его, Чжун Цин с жалобным видом посмотрел на Чжуан Яня. Тот, с трудом подавив гнев, велел официанту принести спрайт и разбавил им немного красного вина.

Чжун Цин с радостью поднял бокал.

Они не заметили, что ушедший человек тихо стоял в углу за окном ресторана.

Скрытый в тени, он смотрел на этих двоих, понимающих друг друга с полуслова, и с холодной усмешкой думал:

«Какая прекрасная пара».

Чжун Цин изменился.

И эти изменения острее всего чувствовал Чжуан Янь.

За два месяца, что он ухаживал за Линь Цзыханем, он действительно перестал играть в игры и ходить на свидания с девушками.

Он во всём слушался Линь Цзыханя: куда тот шёл, туда и он; что тот ел, то и он. Легенды о нём на форуме кампуса претерпели второе рождение: неприступный красавец превратился во ветреного ловеласа, а ветреный ловелас — в раскаявшегося грешника.

То, чего Чжуан Янь не мог добиться за десять лет, Линь Цзыхань сделал за один день.

Если бы всё ограничивалось только этим, Чжуан Янь ещё мог бы обманывать себя, говоря, что это лишь упрямство из-за недоступности, и не ревновать до такой степени, чтобы хотеть запереть Чжун Цина.

Но...

— Чжуан Янь, мы сегодня едем на ипподром, ты с нами? — Чжун Цин заглянул в кабинет.

Чжуан Янь медленно закрыл глаза.

Опять то же самое.

Куда бы он ни шёл с Линь Цзыханем, он всегда звал и его с собой, и каждый день без умолку расхваливал достоинства Линь Цзыханя.

Раньше Чжун Цин никогда так себя не вёл. Каждое свидание с девушкой он скрывал, боясь, что тот его заметит. Даже когда он пообещал больше не мешать его личной жизни, он никогда не упоминал их в его присутствии.

Нынешний Чжун Цин походил на наивного простака, который изо всех сил пытается убедить родителей принять его непутёвого парня.

Страшная мысль уже давно терзала Чжуан Яня: Чжун Цин не лгал.

На этот раз всё было серьёзно.

Чжуан Янь не хотел никуда идти, и Чжун Цин не стал настаивать, лишь мысленно вздохнув о том, что упрямство — вещь неисправимая.

Наступила поздняя осень, и на ипподроме уже не было изнуряющей жары. Можно было снова проводить скачки.

Вероятно, из любопытства, Линь Цзыхань, которого раньше было не вытащить, на этот раз сразу согласился.

Над открытым ипподромом раскинулось высокое, ясное небо. С одной стороны ипподрома находились пронумерованные стартовые боксы, из которых доносилось возбуждённое фырканье и ржание лошадей. Рядом с ними стояли жокеи в ярких костюмах и разнообразных шлемах. Трибуны были заполнены зрителями, которые в тишине ожидали начала соревнований.

Прозвучал колокол, и ворота с грохотом открылись.

Лошади вырвались на трек. Тихие до этого трибуны постепенно ожили: слышались крики, зашелестели программки и билеты, которые зрители использовали как веера, изредка раздавались радостные возгласы или вздохи разочарования.

Чжун Цин лежал в кресле-качалке у панорамного окна в ложе.

Исход был ясен. Он опустил бинокль и, повернувшись к сидевшему за круглым столом Линь Цзыханю, спросил:

— В следующем заезде тоже не будешь ставить?

— Я играю только наверняка, — ровно ответил Линь Цзыхань. — Ты сможешь мне обойти правила?

— У нас всё честно, — Чжун Цин покачал указательным пальцем. — Здесь не на этом зарабатывают, это просто для развлечения.

Линь Цзыхань окинул взглядом ипподром.

Действительно, коэффициенты на табло были невысокими. Независимо от исхода, зрители вели себя спокойно, никто не терял самообладания из-за проигрыша. Когда победитель с венком на шее делал круг почёта, все вежливо аплодировали.

Линь Цзыхань отвёл взгляд и посмотрел на Чжун Цина. Тот с необычайной нежностью смотрел на жокея-победителя.

— Это правило установила госпожа Чжун? — внезапно спросил он.

— Она предпочитала, чтобы её называли госпожой Ло Жун, — с улыбкой ответил Чжун Цин. — Да, здесь всё осталось по-прежнему. Я внёс лишь одно небольшое изменение.

— Скидка на обучение для женщин?

— Как ты узнал? — удивился Чжун Цин.

Линь Цзыхань улыбнулся, но ничего не ответил.

Чжун Цин не стал настаивать и продолжил:

— Это действительно небольшое изменение. В стране не так много людей занимается конным спортом, а сюда приходят в основном друзья моих родителей. Они сочувствовали мне и не только не платили меньше, но и оставляли большие чаевые, особенно когда я был маленьким.

Линь Цзыхань мысленно холодно усмехнулся.

Некоторым в жизни всё даётся так легко. Даже оставшись сиротой, всегда найдутся те, кто готов протянуть руку помощи.

А у других, даже когда у них ничего не осталось, всё равно найдутся те, кто будет пытаться выжать из них последнюю пользу.

— Если это не имело никакого эффекта, зачем было что-то менять?

— Конный спорт — единственный олимпийский вид, где мужчины и женщины соревнуются наравне.

— Тебе не кажется это удивительным? — улыбнулся Чжун Цин. — Несмотря на физические различия, они могут выступать на одной арене без какой-либо несправедливости. Этот мир изначально несправедлив, но на спине лошади достигается удивительное равновесие.

— Мечтой моей мамы было попасть на Олимпиаду и выиграть золотую медаль. Она родилась в степях и с детства лучше всех бегала. Когда она скакала на лошади, никто не мог её догнать.

— Думаю, и когда госпожа Ло Жун бежала босиком, её тоже никто не мог догнать, — слегка улыбнулся Линь Цзыхань.

— Ты знал мою маму? — в голосе Чжун Цина прозвучало удивление.

— Как я, простой человек, мог знать жену богача? — ровно ответил Линь Цзыхань. — Я просто увлекаюсь конным спортом и слышал о такой наезднице.

Чжун Цин моргнул.

— Цзыхань, ты умеешь ездить верхом?

В его глазах было столько надежды, что Линь Цзыхань отвёл взгляд, но не отказался.

Он встал и, глядя на ипподром, сказал:

— Сейчас перерыв. Если господин Чжун сможет убедить зрителей, я готов попробовать.

Чжун Цин тоже встал. Он никому не отказывал в желании прокатиться на лошади.

— Конечно, они согласятся. Пойдём, я помогу тебе выбрать лошадь.

Ещё до того, как они открыли дверь конюшни, изнутри донеслось ржание.

Линь Цзыхань опустил веки. Он не ожидал, что лошади так любят Чжун Цина.

— Они тебя приветствуют.

— Они проводят со мной больше времени, чем с конюхами. Многих жеребят я выкормил сам.

Сказав это, Чжун Цин присел на корточки и погладил кошек, которые, подняв хвосты, тёрлись о его ноги.

Линь Цзыхань молча наблюдал. Атмосфера умиротворения, смешанная с запахом сена и кожи, окутывала его.

Лошади, кошки — невероятно чувствительные животные, но в присутствии Чжун Цина они вели себя совершенно спокойно.

Казалось, всё живое, имеющее глаза, не могло не полюбить его.

Чжун Цин подошёл к высокой, вороной лошади и протянул ей морковку. Но та, вместо того чтобы есть, принялась облизывать его руку.

Чжун Цину стало щекотно, и он, смеясь, погладил лошадь по шее.

Он обернулся к Линь Цзыханю, и в его глазах всё ещё светилась та беззаботная улыбка, которая появляется только в присутствии животных.

— Её зовут Всевышняя. Не смотри на грозное имя, она очень послушная.

Съев, наконец, морковку, лошадь позволила Чжун Цину надеть на неё седло.

Он протянул поводья Линь Цзыханю и спросил:

— Хочешь сначала потренироваться?

Линь Цзыхань, уже переодевшийся в бриджи и сапоги, одним движением вскочил на лошадь и свысока посмотрел на Чжун Цина. В его глазах промелькнула доселе невиданная самоуверенность.

— Нет.

— Хорошо, — Чжун Цин затянул ремешок на его сапоге и, подняв голову, тихо сказал: — Будь осторожен.

Линь Цзыхань, не меняя выражения лица, выехал из конюшни.

Движения Чжун Цина были невероятно нежными, но нога, которой он коснулся, продолжала слегка неметь даже после того, как он покинул конюшню.

Линь Цзыхань изо всех сил старался контролировать шаг лошади. Никто бы не заметил его странного состояния, но сам он чувствовал себя неуклюжим и неловким. Проехав совсем немного, он уже вспотел.

Словно он впервые сел на лошадь.

Когда он выехал на ипподром, осенний ветер остудил его разгорячённое тело.

Он действительно был хорошим наездником. Даже после долгого перерыва он не растерял навыков. В его езде чувствовалась та свобода, которую можно обрести, лишь беззаботно скача по степям. Проехав два круга, зрители, отдохавшие в перерыве, восхищённо зааплодировали, и даже жокеи кричали ему «браво».

В разгар всеобщего ликования победительница предыдущего заезда, проезжая мимо, с восторженным криком бросила ему свой венок.

После третьего круга он выехал за пределы ипподрома и направился к небольшому песчаному манежу.

Чжун Цин сидел там с несколькими конюхами и наблюдал за скачками. Маленькая лошадка по кличке Пони каталась по земле рядом с ним и, устроившись у него на коленях, лизала соляной камень.

Когда Линь Цзыхань остановил лошадь, конюхи тут же окружили его, с горящими глазами предлагая сотрудничество.

Линь Цзыхань, не обращая на них внимания, подъехал к Чжун Цину и свысока посмотрел на него.

— Ну как?

— Ты скачешь, как моя мама.

Чжун Цин улыбнулся, его взгляд был немного рассеянным.

— Хочешь её увидеть?

За ипподромом раскинулся большой луг, рядом с которым протекала небольшая речка. Работники ипподрома часто приводили сюда лошадей на выпас, и в воздухе витал запах влажной земли и свежей травы.

Здесь, недалеко друг от друга, находились могилы Ло Жунцао и господина Чжуна.

Не общая могила, но и не слишком далеко.

— Ло Жунцао означает «море мудрости», — Чжун Цин присел на корточки и, обводя золотой краской выгравированные на надгробии иероглифы, тихо сказал: — Красивое имя, не правда ли?

— Ты очень по ней скучаешь?

Чжун Цин обернулся и улыбнулся.

— Цзыхань, ты уехал учиться за границу, разве ты не скучаешь по маме?

— Я никогда её не видел.

— ...прости.

— Ничего. Я не могу сожалеть о том, чего не видел, даже если она меня бросила.

Линь Цзыхань тоже присел на корточки и посмотрел на имя на другом надгробии.

— Но господин Чжун прожил с тобой десять лет. Он бросил тебя, чтобы умереть из-за любви. Ты не ненавидишь его?

Чжун Цин, аккуратно обводя иероглифы, тихо покачал головой.

Его голос был мягким и, как всегда, лёгким и естественным.

— Он меня не бросил. Он, как и госпожа Ло Жун, умер от болезни. Госпожа Ло Жун — от рака желудка, а он — от депрессии.

Он обернулся и улыбнулся.

— Нельзя же из-за того, что депрессия — это психическое заболевание, так просто называть смерть от неё самоубийством.

Он лишь на мгновение взглянул на него и снова повернулся, продолжая сосредоточенно обводить золотой краской иероглифы.

Линь Цзыхань молча наблюдал за его движениями.

Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом травы на ветру и хрустом, с которым Малышка Пони жевала траву.

Безграничная тишина походила на сон, и человек перед ним тоже казался сном. Как же это могло быть не сном? Родители, любившие друг друга до смерти, и всепрощающий, смирившийся ребёнок — какая идеальная семья. Даже болезнь и смерть не смогли разрушить эту идеальность, которая бывает только в сказках и снах.

В сердце Линь Цзыханя боролись два чувства.

Одно — томная усталость, заставлявшая его хотеть погрузиться в эту гармонию, питаясь чужим счастьем. Другое — удвоенная зависть, заставлявшая его сомневаться, была ли эта мягкая, умиротворённая душа врождённой или возвращённой деньгами.

Противоречивые чувства разрывали его сердце. Наконец, он спокойно встал и протянул руку Чжун Цину.

— Стало прохладно, пойдём домой.

Проведя весь день в океане частиц, Чжун Цин, даже вернувшись домой, чувствовал себя невероятно хорошо.

Он сладко проспал всю ночь, а проснувшись, почувствовал действие выпитого перед сном молока. Чжун Цин, на удивление, проснулся рано и направился напрямиком в ванную.

Там уже кто-то был.

Чжун Цин постучал в дверь. Раздался голос Чжуан Яня:

— Сейчас выйду.

Чжун Цин вздохнул и, повиснув на дверной ручке, с притворной жалобой протянул:

— И кто же это у нас с детства всё просчитывает, а когда делал ремонт в доме, забыл-таки сделать вто-о-о-о-рую ва-а-а-а-нную...

Чжуан Янь молчал.

— Чжуан Янь, ты так зря вчера не поехал на ипподром. Ты бы видел, как Цзыхань был великолепен в седле, ты бы им тоже восхитился...

Чжуан Янь молчал. Опять.

Он автоматически отфильтровывал преувеличенные похвалы Чжун Цина и уже собирался застегнуть пряжку на ремне, как одна фраза, пробившаяся сквозь шум, заставила его замереть на месте.

— ...я тебе говорю, я его даже к маме сводил...

Болтовня прекратилась. В голове Чжуан Яня осталась только эта фраза. Металлическая пряжка с лязгом упала на пол. Чжуан Янь пришёл в себя и увидел, что пряжка на ремне сломана.

Снаружи Чжун Цин, прислонившись к двери, снова постучал.

— Ну что, ты скоро?

Не успел он договорить, как дверь резко распахнулась.

Чжун Цин потерял равновесие и упал в объятия Чжуан Яня. Он обернулся и, не успев ничего сказать, вскрикнул и закрыл глаза руками.

— Чжуан Янь! Даже если я тебя торопил, это не значит, что нужно выбегать без штанов!

Чжуан Янь холодно усмехнулся и шагнул вперёд.

— Боишься на это смотреть?

Он схватил Чжун Цина за плечи, не давая ему убежать.

— Разве ты не любишь мужчин? Как же так, бояться на это смотреть?

<http://bllate.org/book/16114/1590428>